

В доме внезапно появилось сразу семнадцать цыплят, утят и гусят. Саньхуа настороженно уставился на клетку и тихо зарычал - явно новым жильцам он был не рад.

— Сюда! — строго окликнул его Сяо И.

Потом добавил:

— Этого пса надо учить. В будущем, когда нас не будет дома, ещё придётся рассчитывать на него, чтобы он присматривал за курами и утками. И кусать их ему тоже нельзя.

Деревенские собаки были сообразительными. Только особенно злые и дикие воровали кур, а спокойные, наоборот, помогали сторожить домашнюю птицу. Бывали и ещё более смыслённые: если цыплёнок выбегал со двора, пёс мог даже аккуратно принести его обратно в зубах.

Линь Мудуну было жалко Саньхуа, но Сяо И говорил разумно. Собаку следовало воспитывать строго, поэтому в такие дела он обычно не вмешивался.

— Угу, — Линь Мудун улыбнулся. — Я пойду наберу корзину дикой зелени и смешаю им корм.

— А я закончу перегородку. Кур и уток пока поселим вместе, а гусыню отдельно.

Всё из-за Линь Тяньбы. Эта гусыня была слишком задиристой и одна умудрялась сражаться сразу с десятком с лишним цыплят и утят. Вместе их держать было нельзя, иначе одни погибнут, другие останутся покалеченными.

Маленькая старушка смотрела на кур, уток и гусыню с такой широкой улыбкой, что глаза превратились в щёлочки.

— Хорошо-то как, хорошо... Вот и у нас теперь есть куры да утки.

Она тут же окликнула внука:

— Дун-гэр, пойдём вместе. Нарежем две корзины травы, чтобы они голодными не остались.

По её виду было ясно - терпения ждать у неё уже не было.

Линь Мудун поддразнил:

— Бабушка, даже если они сегодня десять корзин съедят, завтра утром всё равно взрослыми не станут.

Ли Юйфэнь только продолжала улыбаться. И её радость была понятна. Если семья могла держать больше десятка кур и уток, в деревне это уже означало, что живётся ей неплохо. Домашнюю птицу ведь нужно кормить зерном, а в бедных семьях порой и людям не хватало еды, не то что скотине.

В прошлом году, когда продавали зерно, Сяо И сам распорядился оставить дома на два ши больше. Даже до осени этого года им всё не съесть. Линь Мудун не совсем понимал, почему он так решил, но когда в доме были запасы, на душе становилось спокойнее.

Пока весной было много свежей травы и стояли хорошие солнечные дни, Линь Мудун и Ли Юйфэнь нарезали полную корзину. Заодно приготовили корм и на несколько следующих дней: свадьба Чжоу Ли была уже совсем близко, а когда начнутся хлопоты, времени на это не останется.

.....

У ворот висел большой красный шёлковый цветок, на окнах красовались бумажные вырезки - всё сулило счастье и благополучие.

Линь Мудун и Чэнь Сяньюэ раскладывали в комнате арахис и красные финики. Ещё прошлой ночью они перебрали арахис по одному, выбрав только крупные стручки с множеством зёрен - пожелание многочисленного потомства и большого счастья.

Оставалось только развесить красные фонари. Чжоу Ли, самый смелый из троих, взвалил лестницу и с грохотом поставил её посреди двора. В каждой руке у него было по два больших фонаря, и в мгновение ока он уже полез наверх.

Линь Мудуну и Чэнь Сяньюэ ничего не оставалось, кроме как держать лестницу.

Мать Чжоу Ли вышла, увидела это и от тревоги хлопнула себя по бедру:

— Ох, предок ты мой! Ты же уже совсем скоро фуланом замуж выходишь! А если упадёшь, что тогда делать? Лучше дождись отца.

— Мама, не переживай. Ты ведь говорила, что хотите мне кое-что объяснить? Иди пока в комнату, а я повешу фонари и сразу к тебе приду.

Чжоу Ли прикинул, куда лучше повесить фонарь, и вопросительно посмотрел на них. Линь Мудун поднял голову, посмотрел и покачал головой:

— Немного слишком в сторону.

Чэнь Сяньюэ добавила:

— И низковато. С обеих сторон висит неровно.

Чжоу Ли пришлось снять фонарь и повесить заново. Его мать ничего не могла поделать и только вздыхала. Её гэр с детства был таким: то на дерево полезет разорять птичьи гнёзда, то в реку полезет ловить рыбу руками - непоседливее любого мальчишки. И что он будет делать, когда войдёт в семью мужа?

Старшая невестка семьи Лю, по её мнению, была человеком непростым. Она ещё заранее это заметила. Свадьбы-то ещё не было, а та уже подговаривала Лю Шуня сократить выкуп вдвое. Хорошо хоть Лю Шунь не уступил. В конце концов обе стороны сделали шаг назад: выкуп уменьшили до восьми лян, а оставшиеся два лян одолжили старшей невестке семьи Лю, чтобы хотя бы внешне сохранить хорошие отношения.

Разве Чжоу Ли не понимал, о чём тревожится мать? Но семейная жизнь ведь и была такой. По всему свету полно домов, где есть и невестки, и свекрови. Если всего бояться, робеть и не решаться идти вперёд, тогда и жить незачем. Старшая невестка семьи Лю была немного корыстной, но до по-настоящему злой и жестокой женщины ей было далеко. Старший брат Лю Шуня, как и его родители, был честным и простодушным человеком, так что большого шума она всё равно поднять не сможет. Именно потому, что Чжоу Ли всё это ясно понимал, он и решил выйти туда замуж. А будь это действительно насквозь гнилая семья, не то что родители - он сам первым бы отказался.

Когда фонари наконец развесили, Линь Мудуну и Чэнь Сяньюэ ещё пришлось помогать застилать постель и развешивать красную ткань. У каждого из них была копия списка приданого, и, закончив хлопоты, они ещё раз сверили всё по пунктам.

Чжоу Ли тем временем мать позвала в комнату и таинственно сказала, что хочет передать ему кое-какой опыт. Чэнь Сяньюэ, как человек уже замужний, сразу поняла, о чём речь, а Линь Мудун лишь широко раскрыл глаза, совершенно не понимая.

— Иди сюда, я тебе тихонько скажу, — Чэнь Сяньюэ наклонилась к его уху и прошептала пару фраз.

Линь Мудун тут же вспыхнул, опустил голову и больше не решался поднять взгляд:

— Э-этому... ещё и учат?

— У всех так, — сказала Чэнь Сяньюэ. — Моя мать говорила, что нельзя сопротивляться и отказывать, иначе мужчина рассердится.

Линь Мудун невольно вспомнил, что у них с Сяо И всё будто наоборот. Обычно именно Сяо И

во всём ему уступал, ласково уговаривал и успокаивал, и вовсе не сердился. Когда чувства становились слишком сильными и Линь Мудун не мог удержать слёз, Сяо И всегда терпеливо его утешал.

Линь Мудун поспешно покачал головой, всё ещё краснея, и заставил себя перестать думать о всяких подобных вещах.

Они с Чэнь Сяньюэ продолжили проверять приданое. Там были два деревянных сундука, шкаф и кровать с балдахином - вещи крупные, всё сразу было видно. Для деревни такое приданое считалось весьма достойным: если заказывать всё это у плотника, пришлось бы отдать не меньше пяти лян серебра. А родители, особенно любившие своих детей, перед свадьбой иногда ещё и тайком давали им немного серебра с собой.

Оставались разные мелочи - ткани, чашки, палочки и прочая утварь. В основном это была обычная льняная ткань, но добавили ещё один отрез хлопковой - тоже вполне неплохо.

Когда Чжоу Ли вышел из комнаты матери, глаза у него были красными от слёз. Всё-таки гэр выходил замуж, и уже завтра ему предстояло жить в чужом доме. Лишь в самый последний момент вдруг стало невыносимо жаль расставаться с родителями.

— Ну чего ты плачешь? Всё в одной деревне, через речку перейти да немного пройти, и уже дома, — говорила мать Чжоу Ли, но, несмотря на собственные слова, тоже не смогла сдержать слёз.

Чэнь Сяньюэ поспешила с улыбкой разрядить обстановку:

— Ли-гэр выходит замуж - это же радостное событие. Нам всем надо улыбаться. Если завтра наплачешься и глаза опухнут, как потом гостей встречать?

Чжоу Ли и его мать тут же вытерли слёзы и наконец смогли улыбнуться.

Красные свечи освещали тёплый свадебный полог, на постели лежало праздничное одеяло с вышитыми утками-мандаринками. Свадебная процессия семьи Лю, сопровождаемая звоном гонгов и барабанным грохотом, перешла маленький каменный мост и вошла во двор семьи Чжоу. Лю Шунь был с головы до ног одет в красное. Сегодня он особенно тщательно принарядился, и в его облике появилось больше чистой, спокойной изящности учёного человека.

Под красной свадебной вуалью Чжоу Ли улыбался и сиял. Вчера он уже вдоволь наплакался, а сегодня был по-настоящему счастлив. Мать тайком сунула ему четыре лян серебра - половину выкупа. С этого дня он уже считался взрослым: сам будет вести хозяйство, распоряжаться домашними делами, больше не тот маленький гэр, который только и умел, что лазать по деревьям да ловить рыбу руками.

Лю Шунь взял Чжоу Ли за руку, и вместе они поклонились родителям семьи Чжоу на прощание. В главной зале отец и мать Чжоу смотрели вслед своему гэру, и у обоих покраснели глаза. Как быстро всё прошло: будто только вчера он был ребёнком, а теперь уже вышел замуж.

Их печаль и нежность растворялись в шуме и праздничном оживлении вокруг.

— Пойдём, и мы посмотрим свадебный обряд, — Сяо И взял фулана за руку и слегка сжал его ладонь.

Эта сцена словно задела что-то в сердце Линь Мудуна. Их свадьба с Сяо И тоже была шумной и весёлой, только среди всего этого веселья не было его родителей.

Линь Мудун поднял голову и тихо сказал:

— Когда-нибудь и у нас будет так же.

Сначала родители провожают детей замуж, а потом они сами будут провожать уже своих детей.

Стоило ему растрогаться, как Сяо И вдруг хлопнул ладонью по столу и решительно заявил:

— Если у нас родится гэр, мы непременно возьмём ему мужа в дом!

Линь Мудун тут же рассмеялся.

— Вот теперь повеселел, — Сяо И приподнял бровь, а в ясных глазах заплесала улыбка. Он и правда нарочно сказал это, чтобы развеселить фулана.

Линь Мудун кивнул. Во дворе было много людей, поэтому он стеснялся и лишь незаметно придвинулся к Сяо И на шаг, а потом украдкой ухватился за край его одежды. Сяо И посмотрел на гладкое, светлое лицо фулана и невольно вспомнил, какое оно мягкое, если поцеловать. Он наклонился к его уху и тихо прошептал:

— Думать об этом ещё рано. Для начала нам надо родить маленького гэра.

Зрачки Линь Мудуна дрогнули, и он крепко стиснул зубы.

Угощение в семье Лю было богатым. Когда пир закончился, уже наступила ночь. Яркий лунный свет заливал дорогу домой, очерчивая две фигуры, идущие рука об руку. Не дойдя до ворот собственного двора, Сяо И подхватил фулана на руки и понёс прямо в комнату.

Ночь прошла как под порывами стремительного ветра и ливня.

Весенний дождь обычно должен быть мелким и затяжным, но в этом году неожиданно разразился редкий сильный ливень. Землю размыло, деревья в горах словно вымыли дочиста, а вода в прудах поднялась и перелилась через края. Линь Мудун поднялся, чувствуя во всём теле ломоту и слабость, и первым делом вспомнил о домашних курах, утках и гусыне, а потом о том диком пруду за деревней.

Сяо И всё ещё спал, длинная рука легко обнимала Линь Мудуна за талию. На талии у того почти не было мяса, Сяо И мог обхватить её двумя ладонями.

Линь Мудун хотел встать и пойти посмотреть на кур и уток, но выбраться из объятий не получалось, а слишком сильно дёргаться он не смел, чтобы не разбудить Сяо И. К счастью, тот во сне перевернулся на другой бок, и Линь Мудун наконец освободился.

За окном теперь шёл мелкий затяжной дождь. Он почти бесшумно впитывался в землю, питая травы и цветы, и всё вокруг на склонах зеленело и распускалось. Бабушка тоже уже встала и сидела в углу кухни, мелко рубя траву для цыплят, а потом подмешивая к ней ковш кукурузной муки. Трава была нарезана совсем мелко, мука тоже тонкого помола - птенцам такое было по силам склевать.

Линь Мудун поставил в котле греться воду. Сяо И всё ещё спал, а на кухне почти не осталось дров, поэтому он забрался на чердак дровяного сарая и стащил оттуда несколько крупных поленьев. Их нарубили ещё прошлой зимой, за это время на чердаке они как следует просохли и теперь отлично горели.

Обняв два полена, Линь Мудун перебежал под дождём обратно в дом и, греясь у огня, принялся готовить. Он взял пучок свежей весенней зелени, очень мелко порубил и всыпал в кашу, а затем оставил её томиться на слабом огне, чтобы сверху выступило густое рисовое масло. Пока каша варилась, Линь Мудун взял корзину и отправился к склону Янлю собирать землянику. Эти маленькие красные ягоды росли почти у самой земли, каждая - не больше кончика пальца, и прятались среди листьев. Листья тоже стелились низко; стоило лишь раздвинуть их руками, и сразу показывались одна за другой красные ягодки.

Такие ягоды появлялись только весной и были даже слаще горной малины. В деревне те, кто жалел денег на конфеты и сладости, собирали их, чтобы хоть чем-то полакомиться. Когда мать Линь Мудуна была жива, она научила его одному способу приготовления: нужно было размять целый таз ягод, добавить воды и долго томить на слабом огне, пока масса не становилась всё гуще и гуще. Так получалось ягодное варенье. Потом замешивали тесто, добавляли масло, делали его слоёным, внутрь маленького кусочка теста намазывали немного ягодного варенья и запекали в печи. На выходе получались сладкие слоёные лепёшки с ягодной начинкой. Этот способ придумала сама его мать, и больше никто так не готовил. Даже без мёда земляничное варенье выходило сладким, но не приторным, с лёгкой кислинкой. В детстве Линь Мудун очень его любил.

Саньхуа бежал следом, обнюхивая землю. Линь Мудун раздавил одну ягоду и бросил ему. Пёс опустил голову, понюхал - не пахнет мясом, значит, неинтересно. Линь Мудун улыбнулся и снова принялся раздвигать траву в поисках ягод.

Дождь не прекращался, поэтому перед выходом он надел бамбуковую шляпу. Склон Янлю находился довольно далеко в стороне, и Линь Мудун пришёл сюда впервые. Подняв голову, он вдруг заметил вдали молодого фулана, который тоже собирал ягоды. Тот был без шляпы и стоял, согнувшись, спиной к Линь Мудуну. Худая спина казалась даже тоньше его собственной - почти кожа да кости.

Сяо И часто знакомил Линь Мудуна с деревенскими жителями, поэтому, даже если он кого-то лично не знал, обычно хотя бы слышал о нём. Но этот молодой фулан был ему совершенно незнаком. Линь Мудун перебрал в памяти всех, кого мог, и так и не вспомнил ничего.

Он присел на корточки и с любопытством ещё немного понаблюдал за ним.

Он подошёл чуть ближе. Фулан обернулся, показав совершенно незнакомое лицо. Линь Мудун прикрыл рот рукой, потрясённо распахнув глаза. Корзина с тихим стуком выпала из его руки на землю.

Как могло лицо выглядеть вот так?

На исхудавших щеках почти не осталось мяса, они глубоко впали под скулами. Над бровью тянулся длинный рубец, будто въевшийся до самой кости, словно от удара плетью. Правая сторона лица, хотя и была такой же худой, распухла почти наполовину, а у уголка рта ещё виднелись следы крови - вероятно, он просто не успел её вытереть.

Саньхуа всегда настороженно относился к незнакомцам. Он подбежал и принялся яростно лаять на молодого фулана. Тот побледнел от страха. Сил даже подняться не было, и он лишь отодвигался назад, почти прижимаясь к земле.

— Саньхуа, назад! Не лай! — Линь Мудун схватил пса за морду и удержал за собой.

Молодой фулан всё ещё не оправился от испуга. Он неподвижно смотрел на человека примерно своего возраста - такого живого, подвижного и светлого, что невольно засмотрелся. Через некоторое время он медленно опустил руку, которой прикрывал голову.